

щая этот подзаголовок, обращена к умершим друзьям, с которыми была связана юность поэта» [2, с. 589], отмечает Н.В. Королева и называет имена царскосельских друзей Ахматовой – «расстрелянного Гумилёва, умерших Комаровского и Недоброво, погибшего в лагере Пунина» (Там же).

Так, текст 1957 г. переключается с гораздо более ранним («Заболеть бы как следует, в жгучем бреду...» (1922)) не только сюжетом встречи с мертвыми любимыми, но и мотивом совместной прогулки по загробным садам, прямо не названным ни в одном из рассматриваемых стихотворений.

Движение, иногда «шествие теней», прогулка по *дорожке* аллеи, ставшей *дорогой*, – вот характерные мотивы ахматовской лирики. Встреча с мертвыми происходит на приморской или царскосельской аллее, улице Москвы, знакомой тропинке, у водопада. Призрачные гости Ахматовой идут вместе с ней, не замедляя шага, проводя лирическую героиню в ирреальное пространство и отчасти оказываясь в ее мире, пространстве ее сознания.

Литература

1. Ахматова А.А. Собрание сочинений: в 6 т. М., 1998 – 1999. Т. 1, 2.
2. Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. Работы по поэтике выразительности: Инварианты – Тема – Приемы – Текст. М., 1996.
3. Кузмин М. Избранные произведения. Л., 1990.
4. Лермонтов М.Ю. Сочинения: в 2 т. М., 1988. Т. 1.
5. Обухова О.Я. Образ тени в поэзии Анны Ахматовой // Анна Ахматова и русская культура начала XX века: тез. конф. М., 1989. С. 29 – 30.
6. Филиппов Б. Зеркало – Зазеркалье – Зерцало Клио // А. Ахматова: Pro et contra. СПб., 2005. Т. 2. С. 709 – 720.

About mystical walks in the poems of Anna Akhmatova

Considering mystical walks in the poems by A.A.Akhmatova, the author analyzes the peculiarities of space organization of walks, which are at the verge of real and unreal worlds, and also notices something in common with the poetic texts by M.Y.Lermontov and M.Kuzmin.

Key words: *space, movement, dynamic aspect, mirror, duality.*

Н.В. ЛАВРЕНТЬЕВА
(Рязань)

ОБРАЗ ГЕРМАНИИ В ВОСПРИЯТИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ Б. ПАСТЕРНАКА (по письмам 1905–1906 гг.)

Всестороннему анализу подвергаются письма Б. Пастернака из Берлина (1905–1906 гг.); исследуется образ Германии, получивший свое отражение в письмах и позже воплощенный в произведениях Б. Пастернака.

Ключевые слова: *Б. Пастернак, письма, поездка в Берлин, образ Германии, восприятие и интерпретация.*

Особое место в творческой парадигме Б. Пастернака занимает немецкая культура. Обнаружить ее коды и знаки в произведениях поэта нетрудно, сложнее их идентифицировать. Одна из причин столь интенсивного использования «немецкого текста» в прозе, поэзии, письмах, публицистике, на наш взгляд, – раннее и одновременно с этим очень глубокое погружение Б. Пастернака в немецкоязычную среду. При этом надо отметить, что такое погружение было подготовлено семейной традицией Пастернаков: отец поэта три года прожил в Мюнхене, мать, будучи до замужества активно гастролирующей пианисткой, достаточно часто посещала немецкоязычные страны, более того, среди знакомых семьи было немало представителей немецкой общественности, все дети изучали немецкий язык, читали, писали и говорили на нем постоянно. Также необходимо учитывать, что Б. Пастернак оказался в Германии в момент духовного и эмоционального становления: в 1906 г. во время первой поездки в Берлин он накапливает бесценный опыт впечатлений, еще не зная, что через 6 лет также в Германии, в Марбурге, он осознает себя не философом, а Поэтом. Все увиденное в Берлине 1906 г. воплотится в письмах и воспоминаниях.

Пастернак всегда утверждал важность воспоминаний, особенно тех, которые запечатлела еще совсем юная память: «Сколько бы нам потом ни набегало десятков, они бессильны наполнить этот ангар, в который они залетают за воспоминаниями, порознь и кучею, днем и ночью, как учебные аэропланы за бензином. Другими словами, эти годы в нашей жизни со-

ставляют часть, превосходящую целое, и Фауст, переживший их дважды, прожил сущую невообразимость, измеримую только математическим парадоксом» [5, т. 3, с. 151]. В понимании воспоминания и впечатления как центральных категорий Пастернак очень близок М. Прусту, произведения которого хорошо знал и высоко ценил. В одном из ранних стихотворений поэт сравнивает поэзию с губкой, которая должна *вбирать облака и овраги*, чтобы поэт выжал ее *во здравие жадной бумаги*. Пастернак интуитивно впитал в себя все, что увидел, узнал, почувствовал, пережил в стране великой культуры и великих парадоксов. Германия (ее обитатели, архитектура, литература, музыка, философия) сыграла решающую роль в становлении и развитии творческого начала поэта: родина Гете разбудила в молодом человеке художника. Несомненно, опрометчиво было бы утверждать абсолютную зависимость творчества Пастернака от немецкой культуры и литературы, он был исключительно русским поэтом, однако недооценивать значение Гете, Гофмана, Ницше, Канта, Вагнера, Рильке и др. для поэзии Пастернака было бы непростительным.

Первые впечатления от Германии, немецкой культуры еще очень сумбурные, противоречивые, отразились в письмах поэта. Многочисленные послания близким, друзьям, коллегам содержат бесценные для исследователей размышления об искусстве, поэзии, жизни и времени, современниках, гениях прошлых эпох. Изучение писем Пастернака друзьям из Берлина в 1905 – 1906 гг. позволяет правильно оценить и интерпретировать воздействие немецкой культуры на поэта, осознать значимость первой поездки в Германию в его жизни, выстроить целостную концепцию присутствия «немецкого текста» в его творчестве. Мы сознательно ограничиваем материал исследования письмами из Берлина 1905–1906 гг., поскольку в рамках одной статьи невозможен подробный анализ всего эпистолярного творчества Б. Пастернака.

Изучение писем поэта не просто желательно – необходимо: несмотря на то, что филологи обратились к эпистолярному наследию поэта в 1960-х гг., данная тема актуальна и в наши дни. В последние десятилетия интенсивно исследуется вся «документальная литература». Безусловно, анализ творчества мастера невозможен без изучения его эпистолярного наследия: литературоведы всегда обращались к письмам классиков. Так, Б. Эйхенбаум утверждал: «Изучение творчества Л. Толстого

должно начинаться с его дневников. Здесь эта методологическая осторожность должна быть сугубой, потому что главное содержание его ранних дневников состоит в разложении собственной душевной жизни на определенные состояния, в напряженном и непрерывном самонаблюдении и осознании» [6, с. 37]. Несомненно, все вышесказанное вполне применимо к письмам Пастернака, поскольку он не вел дневников. Общение поэта с друзьями, коллегами, единомышленниками, противниками, представителями власти – это роман, который позволяет уловить нюансы настроения поэта, увидеть основу его творчества, рождение поэтических и прозаических образов. Очень многое из того, что тревожит, восхищает, радует нас в поэзии и прозе Пастернака, уходит своими корнями в письма. В связи с этим литературоведы достаточно часто обращаются к эпистолам поэта. Например, в комментарии к тому VII полному собранию сочинений Пастернака, включающему письма поэта, читаем: «Письма Бориса Пастернака отражают определенную ступень творческой работы. Впечатления и мысли, еще недостаточно “отстоявшиеся” для окончательного выражения в художественном тексте, сначала закреплялись в письмах» [5, т. 7, с. 5]. Та же оппозиция «письма – творчество» находит отражение и в работах Н. Ивановой: «Эпистолярная проза, именно проза, хотя она кажется порою безразмерной болтовней, переплавляется в стихи» [2, с. 57].

Первые письма из Германии были написаны в 1905 г. В декабре 1905 г. отец поэта вывез всю семью в Берлин, чтобы спастись от кошмара революционной России. «В жуткие морозы конца декабря пятого года мы всей семьей собрались за границу...» [4, с. 234]. Москву в это время сотрясали погромы. Их упоминал и молодой Пастернак, из «сытой» Германии они казались поэту чем-то незначительным и далеким: «Когда мы были еще в Москве, то читали в газетах, что на Тверской разгромлены, между прочими домами, дома Коровина и Гиршмана. Правда ли это. В день нашего отъезда (19-е Декабря) к нам заходил один наш знакомый, который рядом с вами в доме Гиршмана, и говорил, что у них особенного ничего не было, и газеты по обыкновению (особенно еще “Новое время”) немного преувеличивают» [5, т. 7, с. 13]. Внимание молодого человека к погромам нельзя назвать чрезвычайным, ни в одном из следующих писем из Германии он не возвращался к этой теме. Пастернак интересуется учебой в гимназии, личной жизнью, настроением и здоровьем конфидентов,

но никак не политической ситуацией в родной стране. Германия действовала на него успокаивающе, к этому располагали устроенный быт, знакомство с новыми людьми, новые впечатления. «Велика была разница между Западом и Россией в довоенное время, велика она и сейчас» [5, с. 407] – заметил он намного позже, во время второго визита в Германию. В повести «Люди и положения» он вспоминал поездку 1905-го г. как увлекательное путешествие. «Еще большее, настоящее представление о путешествии получил я от поездки всей семьей в Берлин. Я в первый раз тогда попал за границу... Скоро я привык к Берлину, слонялся по его бесчисленным улицам и беспредельному парку, говорил по-немецки, подделываясь под берлинский выговор, дышал смесью паровозного дыма, светильного газа и пивного чада» (Там же, т. 3, с. 312).

В Берлине семья Пастернаков располагалась в пансионе. Для Бориса и его брата Александра там же сняли отдельную комнату, соседствовавшую с фруктовой лавкой, что позволяло будущему поэту сравнивать их временный дом с овощной лавкой («Поклон всем товарищам от узника, заточенного в Берлинской овощной лавке») (Там же, т. 7, с. 14)), хотя в следующих письмах он по-иному оценит и сам пансион, и его обитателей: «Живем мы в **очень хорошем** (выделено нами. – *Н.Л.*) пансионе, который представляет своего рода “конфиденцию”, так как кроме нас, русских, здесь живет американка, француженка, две немки и две шведки...» (Там же, с. 15).

В первом письме, датированном декабрем 1905 г., будущий поэт с восторгом делится впечатлениями: «... здесь в Берлине и превосходные музеи, восхитительные театры и концерты, и вообще довольно высокая культура, начиная с искусства вообще и кончая чисто матерьяльными удобствами...» (Там же, т. 7, с. 13). Однако сами немцы («мелочный, мещанский народ») не вызывали у него добрых чувств. При этом будущий поэт замечал: «А бюрократия у них иии! Не приведи Господь, хуже нашей в тысячу раз» (Там же, с. 14). Пастернак не был одинок в столь резких оценках жителей Германии. В 1903 г. А. Блок, очередной раз оказавшись в небольшом курортном городке Бад-Наугейм, вел интенсивную переписку с Л.Д. Менделеевой. «В этих длинных, многословных письмах – насмешки над мещанскими нравами и “бессмертной пошлостью” аккуратно-самодовольных немцев, сатирические описания курортного городка...» [3, с. 134]. Блок награждает немцев прак-

тически теми же эпитетами, которые через три года использовал Б. Пастернак. Возможно, не последнюю роль в этом играло увлечение молодых людей Гофманом. Блок увлеченно читал его в скучной поездке, Пастернак именно в Германии обнаружил мистический, притягивающий мир немецкого писателя, который определил две константы мировоззрения – взгляды художников и филистеров. Именно филистерами представляются русским путешественникам окружающие.

Однако в следующем письме Пастернака воинственный и нигилистический тон уступает место спокойному рассуждению. Сам будущий поэт так комментирует эту перемену: «Как ты уже видишь по спокойному тону моей эпистолии, я понемногу “остепенился”, то есть, другими словами, свыкся с “немцой” и мой антигерманизм поостыл» [5, т. 7, с. 15].

Одно из наиболее ярких воспоминаний Б. Пастернака о первой поездке в Германию было связано с музыкой. В Берлине поэт всерьез заинтересовался творчеством Вагнера. В Берлинской опере шли несколько опер Вагнера, но попасть на представление было чрезвычайно трудно: «Насколько здесь легко попасть на выставку, в музей и концерты, настолько трудно достать билет в оперу... У кассы стоят уже в 6 ч. утра, и для того, чтобы достать какое-нибудь место, надо встать в 5 ч., и за отсутствием конок в такой ранний час идти пешком из Шарлоттенбурга в Берлин. Такой утренний моцион я проделывал уже четыре раза» (Там же). Если принять во внимание, что в Берлин семья Пастернаков приехала в конце декабря, а процитированное письмо датировано 7(20) февраля, то можно представить, что будущий поэт за месяц (считая по старому стилю) прослушал четыре оперы. Сам Пастернак довольно часто упоминает в письмах этого периода свою привязанность к музыке: «Слушаю там (в университете. – *Н.Л.*) историю музыки» (Там же, с. 22). Музыка и эстетика Вагнера сыграли одну из главных ролей в становлении и развитии творческой системы поэта. А.Л. Пастернак вспоминает: «В берлинский период жизни брат мой окончательно был покорен музыкой Вагнера. Уже в Москве он Вагнером увлекался. С некоторых пор, когда уяснилось, что будущим брата будет музыка и деятельность композитора, ему стали дарить ноты. В его шкафу красовались, в красивых изданиях, в красивых с золотом переплетах клавиры некоторых опер Вагнера» [4, с. 246]. Именно музыка привела Пастернака в одну из готических церквей Берлина: его привлекла игра органи-

ста. А. Пастернак описывает это так: «Здесь, в Берлине, брат стал ходить со мною по воскресеньям в неподалеку от нас находящуюся соборную церковь с готическим названием... Органист был талантлив и высокой музыкальной культуры... Кульминацией в исполнении Баха он достигал обычно ко времени конца служб, к разъезду. Тогда Бах, как бы разгораясь в обращении к владыке мира, достигал, в строптивости своей, почти что крика, и музыка, сотрясая стены, не вмещаясь более в ... ограниченное пространство, раздвигала их, как глубокий вздох раздвигает грудную клетку» [4, с. 252]. Образ органиста в творчестве Пастернака неразрывно связан с гофмановским началом. Синтез музыки и литературы обрел свои черты в прозе поэта (повесть «История одной контроктавы»). Л.Л. Горелик, анализируя творчество Пастернака в его сопряжении с наследием Гофмана, отмечает: «Действие повести происходит в маленьком немецком городке, и принято считать, что вызвана она впечатлениями от двух поездок Пастернака в Германию – берлинскими впечатлениями 1906 г. и марбургскими 1912 г.» [1, с. 61]. Повесть была написана через 10 лет (в 1916 г.), тогда же поэт сочинил стихотворение «Баллада», в котором образ органиста сливается с образом Берлина:

...Здесь жил органист.

*Он лег в мою жизнь пятеричной оправой
ключей и регистров. Он уши зарниц*

Крючками прибил к проводам телеграфа [5, т. 1, с. 100].

К гофманской теме Пастернак не раз обращался и в художественном творчестве, и в письмах, несмотря на то, что романтизм вызывал у него противоречивые чувства.

Поездка в Берлин оказалась блестящей возможностью совершенствовать немецкий язык, который поэт уже хорошо знал. А. Пастернак упоминает о почти физической боли, которую испытывал при малейшей ошибке в произношении его старший брат: «Живя в пансионе, ощущая наши промахи в немецкой речи, в построении фраз, в произношении, в той общей характерности, сразу выдающей чужестранца, как бы бегло и гладко он ни говорил на чуждом ему языке, брат, естественно, страдал от предполагаемого к нам презрения, – которого, кстати сказать, вовсе и не было – и снисходящей терпимости к неполноценным чужакам. Вот эта кажущаяся ему терпимость немцев к нашему московско-прибалтийскому общему духу говора “по-немецки”, к “этим москвичам”, терзала брата едва ли не физически» [4, с. 256].

Б. Пастернак был настолько увлечен изучением языка, что даже включал в письма немецкие слова: «Stadt, – Ring, – Hoch und Untergrundstrassenbahn... (язык сломается это выговорить)» [5, т. 7, с. 13]; «Одним словом, kurz und gut, я жду от тебя...» (Там же, т. 3, с. 18); «Но ты спросишь, где тут песнь Лазаря и вообще, wo ist der langen Rede Kurzer Sinn» (Там же, т. 7, с. 19). Последнее письмо из Берлина, датированное 13(25) мая 1906 г., написано по-немецки. Сам Пастернак объясняет свое обращение к немецкому языку как окончательное «онемечивание»: «Немецкий язык моего письма удостоверяет, что я уже стал настоящим колбасником...» (Там же, т. 7, с. 23).

Поэт так и не смог оценить и полюбить Берлин (называя этот город «безличным Вавилоном») так, как он полюбил маленькие немецкие города, сохранившиеся в первозданном виде.

Первая поездка в Германию, бесспорно, сыграла значимую роль в становлении Бориса Пастернака – музыканта, философа, поэта. Впечатления, полученные в путешествии, были воплощены в прозаических и поэтических произведениях, философских размышлениях. Совершенствование немецкого языка в 1906 г. и 1912 г. позволило поэту стать замечательным переводчиком немецкой литературы.

Литература

1. Горелик Л.Л. Ранняя проза Пастернака: миф о творении. Смоленск, 2000.
2. Иванова Н. Пастернак и другие. М. : Эксмо, 2003.
3. Орлов В.Н. Жизнь Блока. Гамаюн, птица вещая. – «Бессмертные имена». М. : ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001.
4. Пастернак А.Л. Воспоминания. М. : Прогресс – Традиция, 2002.
5. Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений : в 11 т. М. : Слово/SLOVO, 2003–2005. Т. 1, 3, 7.
6. Эйхенбаум Б.М. О литературе: Работы разных лет. М. : Сов. писатель, 1987.

The image of Germany in B.Pasternak's perception and interpretation (based on the letters of 1905–1906)

There are thoroughly analyzed the letters of B.Pasternak from Berlin (1905-1906); researched the image of Germany reflected in the letters and later realized in the works by Pasternak.

Key words: *B.Pasternak, letters, trip to Berlin, image of Germany, perception and interpretation.*